

МОДАЛЬНОСТИ, ХАРАКТЕРЫ И МЕХАНИЗМЫ ЖИЗНИ

В. РУДНЕВ*

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы, объединив три, на первый взгляд, совершенно различных учения: 1) концепцию модальной нарратологии, изложенную автором в книге “Морфология реальности”; 2) клиническо-психиатрическое/психоаналитическое учение о характерах соответственно Э. Кречмера/В. Райха и их последователей и 3) теорию механизмов защиты Анны Фрейд и современного эго-ориентированного психоанализа, – построить синтетическую концепцию, которую мы назвали “теорией механизмов жизни”.

1. Модальности

Модальная нарратология представляет собой применение идей модальной логики к теории сюжета. Она опирается на различные модальные построения, прежде всего деонтическую логику Г. фон Вригта, аксиологическую логику А.А.Ивина, эпистемическую логику Я.Хинтикки и С.Крипке и темпоральную логику А.Прайора (*Вригт*, 1986; *Ивин*, 1971; *Крипке*, 1986; *Хинтикка*, 1979; *Hintikka*, 1966; *Prior*, 1966). Непосредственным предшественником модальной нарратологии в нашем смысле является чешский филолог Любомир Долежел, чья работа (*Doležel*, 1979) в свое время послужила отправной точкой для наших исследований.

Мы понимаем модальность как определенный тип *отношения высказывания к реальности*, то есть, точнее, к отображаемому в этом высказывании содержанию. Наша стандартная теория нарративных модальностей состоит из шести членов: *алетические* модальности (необходимо, возможно, невозможно) (они построены еще Аристотелем; в XX веке различные типы алетических модальных исчислений построены К. Льюисом и его последователями – см. (*Фейс*, 1971); *деонтические* (должно, разрешено, запрещено); *аксиологические* (хорошо, безразлично, плохо); *эпистемические* (знание, мнение, неведение), *темпоральные* (прошлое, настоящее, будущее; вариант: тогда, сейчас, потом) и *пространственные* (*спациальные* – здесь, там, нигде) – пространственная логика построена нами (*Руднев* 1996, 2000)**.

---

* *Руднев Вадим Петрович* – доктор филологических наук, ответственный секретарь философско-литературного журнала “Логос”, преподаватель Московского института психоанализа.

** Число “шесть”, которое фигурирует на протяжении всей этой работы, носит произвольный характер, во всяком случае, на уровне исследовательского сознания. Возможно, страсть к шестерке определяется бессознательно.

Типология модальностей может быть представлена для удобства в виде матрицы (1).

Матрица 1. Модальности

<i>Модальность</i>		+	–	0
алетическая	<i>Al</i>	необходимо	невозможно	возможно
алетическая	<i>Al</i>	необходимо	невозможно	возможно
деонтическая	<i>D</i>	должно	запрещено	разрешено
аксиологическая	<i>Ax</i>	хорошо	плохо	безразлично
темпоральная	<i>T</i>	настоящее	будущее	прошлое
пространственная	<i>S</i>	здесь	нигде	там
эпистемическая	<i>Ep</i>	знание	полагание	неведение

Все модальности построены изоморфно. Во всех шести случаях имеются крайние полюса и срединный медиативный член.

Каждое высказывание может быть охарактеризовано той или иной модальностью (тем или иным отношением к реальности) или несколькими, в предельном случае всеми шестью. Так, например, все указанные модальные операторы могут быть приписаны простейшему высказыванию “Идет дождь”.

Алетическое высказывание: *Необходимо, что идет дождь.*

Деонтическое высказывание: *Нужно (должно), чтобы шел дождь.*

Аксиологическое высказывание: *Хорошо, что идет дождь.*

Эпистемическое высказывание: *Известно, что идет дождь.*

Темпоральное высказывание: *Сегодня идет дождь.*

Спациальное высказывание: *Здесь идет дождь.*

Понятно, что не всем высказываниям в равной мере может быть приписан тот или иной модальный оператор. Так, например, высказывание “Пятью пять – двадцать пять” есть в принципе алетически окрашенное высказывание: “*Необходимо, что $5 \times 5 = 25$* ”. К этому высказыванию может быть также применен эпистемический оператор: “*Известно, что $5 \times 5 = 25$* ”. Но

ными гексаграмматическими предпочтениями автора (например, в духе известного предисловия Юнга к “Книге перемен” (Юнг, 1994). Во всяком случае, идея о том, что шесть выделенных модальностей аксиоматически исчерпывают модальную картину мира (идея, которой мы в принципе придерживаемся, но которую не беремся здесь подробно обосновывать): нормы и ценности, знание и необходимость, пространство и время – может быть (например, поклонниками числа семь) опровергнута представлением о том, что в модальную парадигму должно быть включено понятие существования в виде обыкновенных кванторов, которые вполне можно рассматривать как разновидность модальных операторов. Однако в силу того, что понятие существования в логико-философском смысле является бесконечно парадоксальным (чтобы квантифицировать предложение “Ручных тигров не существует”, нужно написать “Существуют такие ручные тигры, которых не существует” (Moore, 1959) и т.д.), мы предпочитаем – во всяком случае, в рамках этого исследования – с ним не связываться.

применять к этому высказыванию все другие модальности более или менее бессмысленно:

Должно (запрещено), что $5 \times 5 = 25$.

Хорошо, что $5 \times 5 = 25$.

Сегодня $5 \times 5 = 25$.

Здесь $5 \times 5 = 25$.

Однако существуют высказывания, к которым можно применить все шесть модальностей. Мы называем их *сильными модальными высказываниями*. Пример такого высказывания:

Иисус Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ.

Это высказывание нагружено позитивно-алетически (чудо: невозможное стало возможным – $Al+$), деонтически (произошло то, что должно было произойти по замыслу Бога-Отца – $D+$), аксиологически (воскресение Иисуса, безусловно, аксиологически оценивается как в высшей степени позитивное событие – $Ax+$), эпистемически (произошло то, о чем Иисус знал и предупреждал своих учеников, – $Ep+$), темпорально (время в определенном смысле пошло вспять после воскресения Иисуса – кульминации исторической драмы, по Августину, то есть стала исчерпываться временная энтропия (подробнее см. (Руднев, 1996) – $T+$), спационально (Иисус после воскресения вознесся на небо – $S+$). Таким образом, общая формула сильной позитивной модальной ситуации – это конъюнкция:

$$Al+ @ D+ @ Ax+ @ Ep+ @ T+ @ S+$$

Соответственно, возможны абсолютно негативные в модальном плане события, такие, например, как предательство Иуды, или нейтральные. Могут быть высказывания, которые по всем модальностям оцениваются как нулевые. Например,

ничего не происходит:

$$Al 0 @ D0 @ Ax 0 @ Ep 0 @ T 0 @ S 0$$

2. Характеры

Переходя к характерологии, можно сказать, что если модальность – это тип отношения высказывания к реальности, то характер – совокупность психологических реакций сознания на реальность. При этом в одном определенном характере преобладает ядерная, доминантная реакция на реальность.

В сангвиническом (циклоидном) характере такой доминантной реакцией является синтонность – жизнерадостно светлое принятие реальности во всех ее проявлениях. (В психоаналитической характерологии кречмеров-

скому циклоиду примерно соответствует депрессивно-маниакальный характер (Риман, 1998; Мак-Вильямс, 1998.)

В эпилептоидном характере доминанта – вязкая дисфорическая эксплозивность. (В психоаналитической характерологии эпилептоиду, по крайней мере отчасти, соответствует параноидный характер*.)

В психастеническом характере выступает тревожно-рефлексивная доминанта. (В психоаналитической характерологии ганнушкинскому психастенику отчасти соответствует райховский мазохистический характер (Райх, 1999) с определенными чертами, с одной стороны, обсессивно-компульсивный, а с другой, депрессивный характеры (Мак-Вильямс, 1998.)

В истерическом характере преобладает вытеснительно-демонстративный комплекс. (В психоаналитической характерологии выделяется нарциссический (у Райха – “фаллическо-нарциссический”) характер, черты которого покрываются традиционно понимаемым истерическим (Мак-Вильямс, 1998.)

В обсессивно-компульсивном (ананкастическом) характере это – педантический комплекс (один из немногих характеров, который понимается обеими традициями примерно одинаково).

В шизоидном характере – аутистический комплекс (в понимании данного характера кречмеровская и райховская традиция также во многом совпадают)**.

Сказанное о характерах также можно обобщить в виде матрицы (2).

---

* Из клинических характерологов П.Б.Ганнушкин и К.Леонгард разграничивают эпилептоида и параноика (в терминологии Леонгарда соответственно “воз-будимый” и “застревающий” характеры) (Ганнушкин, 1998; Леонгард, 1998). Н.Петрилович выделяет только параноика (Petrilowisch, 1966); М.Е.Бурно и П.В.Волков выделяют только эпилептоида, параноиков М.Е.Бурно считает подгруппой эпилептоидного характера (Бурно, 1990; 1996; Волков, 2000).

** В дальнейшем мы будем рассматривать только эти шесть выделенных нами характеров. Выделяемый в клинической традиции ювенильный характер мы рассматриваем как вариант истерического. Вне нашего рассмотрения остаются также смешанные (“мозаические”) конституции – органическая, эпилептическая, шизофреническая (“полифоническая”) и эндокринная (гомосексуальная) (подробно о них см. в книгах (Бурно, 1996; Волков, 2000).

Матрица 2. Характеры

<i>Качества</i>	син-тонность	тревожная рефлексивность	эксплозивная авторитарность	вытеснительная демонстративность	боязливая педантичность	аутистичность
<i>Характеры:</i>						
циклоиды	+	—	0	0	—	—
эпилептоиды	—	—	+	—	—	—
истерики	—	—	0	+	—	0
психастеники	—	+	—	—	0	—
ананкасты	—	0	—	—	+	—
шизоиды	—	0	0	0	0	+

Подобно модальностям, характеры проявляют себя в двух противоположностях, которые Кречмер в “Строении тела и характере” определил как пропорции (Кречмер, 2000).

В циклоидном характере это диатетическая пропорция – между хорошим и дурным настроением.

В шизоидном – психэстетическая пропорция: между гиперэстетичностью (сверхчувствительностью) и анэстетичностью (бесчувственностью).

Эпилептоидная аффективно-аккумулятивная пропорция (выделена Ф.Минковской) – это пропорция между инертностью и дисфорической эксплозивностью. М.О.Гуревич выделил также в эпилептоидном характере пропорцию между прямолинейной жестокостью и ханжеской угодливостью (“комплекс Иудушки”) (Бурно, 1990, с.82). Однако, как отмечает М.Е.Бурно, вторая из этих двух пропорций менее универсальна, так как возможны “нравственные эпилептоиды” – не угодливые и не жестокие.

Истерическая пропорция – между неподвижностью и акцентуированным стремительным движением (“двигательной бурей”) (Кречмер, 1994) и как вариант – между вычурной демонстративной статичностью и ювенильной сиюминутностью, подвижностью аффекта (см. также (Руднев, 2001).

Обсессивная пропорция – пропорция между стремлением к гиперупорядоченности, педантичностью, и невозможностью брать на себя ответственность, нерешительностью, а также между рациональностью и мистицизмом, “всемогуществом мыслей” (Фрейд, 1999; см. также (Руднев, 2000).

Психастеническая пропорция – это пропорция между сверхсовестливостью и занудной сомневающейся дотошностью (комплекс Червякова).

3. Модальности и характеры

Естественно предположить, что каждый характер, представляя собой тип *психологической* реакции на реальность, должен соотноситься с определенными модальностями как *речевыми* реакциями на реальность. По-видимому, каждый характер по-разному работает с разными типами реальности.

Проще всего показать на примере, скажем, *истерика* и *ананкаста*, как противоположные характеры работают с противоположными модальностями. Истерик – в принципе аксиологический характер. Это означает, что для него, прежде всего, важно его желание и оценка им действительности с точки зрения его желания – как “хорошей”, “плохой” или “безразличной”. Напротив, деонтическая модальность *в принципе* не характерна для истерика, который практически не знает, что означает “должно”, “запрещено” или “разрешено”. Конечно, это не значит, что истерики сплошь и рядом нарушают запреты и никогда не делают того, что должно. Но если представить себе ситуацию, что два человека – истерик и ананкаст – куда-то спешат и останавливаются на перекрестке, а светофор показывает красный свет (и, предположим, машин при этом нет), то ясно, что, скорее, именно истерик рискнет перебежать улицу на красный свет, а ананкаст никогда этого не сделает, ибо доминантная модальность ананкаста – это деонтическая модальность.

Ср. следующий фрагмент из книги Д.Шапино “Невротические стили”:

“Обсессивно-компульсивный человек является своим собственным надзирателем. Он приказывает, напоминает и предупреждает; он говорит не только, что делать или не делать, но и чего желать, что чувствовать или даже что думать. Наиболее характерная мысль обсессивно-компульсивного человека: “Я должен”” (курсив мой. – В. Р.) (Шапино, 2000).

Ананкаст всегда делает то, что должно, и практически никогда не делает того, что запрещено. И напротив, аксиологическое измерение практически незначимо для ананкаста, вернее аксиологическое для него *включено* в деонтическое (“сейчас я должен расслабиться”, “я должен немного развлечься”), так как вся его деятельность направлена на снижение тревоги

путем совершения навязчивых действий, произнесения навязчивых высказываний и отправления навязчивых ритуалов – тут уж не до удовольствия. Итак, истерик – это аксиологический характер, а обсессивно-компульсивная личность – деонтический. Что это означает для теории модальности и каким образом обогащает характерологию?

Сравним несколько высказываний в свете вышеприведенных рассуждений.

(1) Я всегда делаю то, что хочу.

(2) Садитесь, пожалуйста.

(3) Точность – вежливость королей.

(4) Но я другому отдана и буду век ему верна.

(5) Можно изменять жене сколько угодно, главное, чтобы она не догадалась.

(6) Я утром должен быть уверен, что с вами днем увижусь я.

(7) Но я не создан для блаженства, ему чужда душа моя.

Фразы (1) и (5) можно охарактеризовать как сугубо истерические. От ананкаста вряд ли услышишь подобные высказывания. Фразы (2) и (3), напротив, сугубо этикетно-ананкастические – истерик, скорее всего, не способен к таким речевым оборотам. С фразами (4), (6) и (7), цитатами из “Евгения Онегина”, дело обстоит сложнее (достаточно подробно конфликт между Онегиным и Татьяной как конфликт между ананкастом и истеричкой разобран в (Руднев, 2001). Наиболее простой в этом смысле является фраза (7), ее произносит Онегин, вразумляя Татьяну в IV главе романа. Здесь имеет место отказ от аксиологии, бегство от губительного для ананкаста и его конституции *желания* (об обсессивном бегстве от желания в духе идей Лакана см. также (Салецл, 1999). В дальнейшем развитии своего вразумляющего дискурса Онегин произносит знаменитое “Учитесь властвовать собою” – деонтическое наставление, следовать которому истеричка опять же, в силу своей конституции, не может. Но, как известно, в финале пушкинского романа позиции героев противоположным образом меняются. Онегин влюбляется в Татьяну, и аксиологическая фраза “Я утром должен быть уверен...” принадлежит ему. Однако она является аксиологической лишь на поверхности. В глубине за ней кроется обсессивно-компульсивная тяга к навязчивому повторению – он *каждое* утро должен быть уверен, что увидится с Татьяной. К тому ж, Онегин дает волю своим чувствам лишь в тот момент, когда Татьяна уже “другому отдана” и поэтому вполне безопасна. Видеть каждый день, вздыхать, – в сущности, ничего истерического здесь нет. Интересно также утверждение Татьяны: “Но я другому отдана / И буду век ему верна”. Безусловно, это – деонтическое высказывание: нельзя нарушать запрет. Но в этой псевдообсессивной мак-

символе сквозит чисто истерическое желание отомстить: “вот когда я была моложе и лучше, чего же вы тогда смотрели”. Роман не закончен, и мы не знаем, останется ли верна Татьяна своему генералу или ее изречение – лишь истерическая фраза.

Я полагаю, что мы отчасти ответили на вопрос, *что* дает скрещивание теории модальностей с характерологией: оно облегчает анализ речи, принадлежащей людям с различной психической конституцией. Быть может, кому-то наши замечания понадобятся в чисто практических целях – для лучшего понимания душевных особенностей пациента в психотерапевтическом процессе, диагностики в широком смысле. *Наши* же цели, разумеется, сугубо теоретические.

Как же соотносятся истерик и ананкаст с другими модальностями? Например, с эпистемической. Они соотносятся чрезвычайно интересным образом. Как известно, истерик любит врать, то есть, говоря в эпистемических терминах, выдавать известное за неизвестное и *vice versa*. Здесь напомним, что фундаментальной, с точки зрения философии текста, особенностью сюжетного построения является так называемое эпистемическое *qui pro quo* (Руднев, 1996; 2000). Сюжет в сильном смысле, то есть сюжет “с интригой” (сюжет авантюрного романа, комедии, детектива, триллера) замешан на обмане, вранье или эпистемической ошибке, на некоем ложном знании (об этом см. также чрезвычайно глубокую статью (Фрейдберг, 1973), когда на место одного эпистемического оператора ставится противоположный. Например, в знаменитой сцене на балконе в пьесе Ростана Сирано де Бержерак читает стихи Роксане вместо Кристиана (на вопрос, почему он так поступает, ответила Анна Фрейд в книге “Эго и механизмы защиты” (Анна Фрейд, 1999, с.209-210) (мы разберем этот вопрос подробно ниже).

Однако вернемся к характерам. Ананкаст относится к знанию чрезвычайно добросовестно и осторожно. Знание для него – это, прежде всего, *точное* позитивное знание. Лучше всего, если оно будет подкреплено цифрами (об исключительной значимости числа у обсессивной личности см. (Руднев, 2000а). Поэтому ананкаст – прекрасный бухгалтер или председатель счетной комиссии. Но он не может быть президентом, у него почти полностью отсутствует воля к власти без подчинения кому-либо (ср. анализ характера Гиммлера в книге Фромма “Анатомия человеческой деструктивности” (Фромм, 1998).

Ананкаст, как правило, честен и предсказуем. Поэтому для классического *сюжета ошибки* он как будто бесполезен. Но бесполезен он только в качестве главного героя, в качестве того, *кто* обманывает. А в качестве того, *кого* обманывают, он – идеальный персонаж, поскольку не в состоянии переносить хоть какую-то степень эпистемической неопределенности.

Подражая Славою Жижеку, приведем в качестве иллюстрации старый анекдот, героем которого, несомненно, является ананкаст. Муж следит за женой, чтобы застать ее с любовником. После серии неудач он забирается на дерево перед окном комнаты, где находятся жена с любовником. Он все уже почти увидел, но в это момент они гасят свет. “Опять проклятая неизвестность”, – восклицает ананкаст.

В том, что касается алетических модальностей, истерики и обсессивно-компульсивные также составляют полярную противоположность. Для истерика в принципе *все возможно*, поскольку большая часть из того, что он говорит, совершается в его фантазиях, в сфере воображаемого (комплекс барона Мюнхаузена или Хлестакова). Для ананкаста сфера невозможного, мистического, чудесного является интимно-важнейшей, составляя один из противоположных членов обсессивной пропорции. С одной стороны, ананкаст разделяет, что все рационально, но, тем не менее, неотъемлемой чертой его конституции является вера во всевозможные приметы, суеверия, могущество ритуальных действий, одним словом, в то, что Фрейд в книге “Тотем и табу” назвал “всевластием мыслей”: обсессивный человек полагает, что между ним и реальностью существует мистическая связь. Например, если он вдруг подумал о смерти своего знакомого, а тот на следующий же день умер, то это, конечно же, неслучайно (Фрейд, 1998). В подобном складе мышления нет ничего от истерической фантазии, поскольку ритуализованное суеверие, экстатическая религиозность обсессивной личности не имеет ничего общего с враньем, скорее, это ближе к паранояльным проявлениям, но все же отличается от них, как отличается навязчивая идея от сверхценной (в первом случае действует механизм изоляции, а во втором – проекции; подробно см. ниже).

В плане представлений о пространстве и времени истерик и ананкаст также противоположны. Педантизм ананкаста (например, появление в положенное время в положенном месте) противостоит капризной изменчивости истерика. Сфера ананкаста – точность; сфера истерика – свобода.

Ананкаст, как правило, помнит прошлое до мелочей и так же, до мелочей, планирует будущее; истерик, как известно со времен Брейера и Фрейда, вытесняет прошлое, перекраивает его по своему усмотрению и может существовать адекватно своей конституции только *здесь и сейчас*.

Посмотрим теперь, как работает с модальностями *циклоид*. В плане алетического, чудесного, циклоид может быть как равнодушным к нему, так и “по-народному” верующим, то есть эта модальность не является доминантной для циклоида, она выражена знаком “ноль”. В плане деонтики циклоиды также могут проявлять себя по-разному. Можно представить себе законопослушного (“ананкастоподобного”) циклоида с достаточно сильным суперэго, а можно – и вполне свободолюбивого (“истероподоб-

ного”, особенно среди гипертимных – гипоманиакальных – циклоидов, например, Фальстаф в интерпретации К.Леонгарда или тот же Сирано де Бержерак), с сильными влечениями, с развитой сферой *Id*. Таким образом, деонтика также не является доминантным признаком циклоида. Что же касается аксиологии, то здесь можно сказать, что для циклоида, безусловно, важны ценности, оценки, хорошее и плохое. Здесь он похож на истерика, хотя отношение к ценностям выражается у него, конечно, по-другому, по-циклоидному полнокровно. Циклоид просто склонен наслаждаться жизнью, и этим все сказано, в то время как истерик делает из своего наслаждения мучение и себе и другому (подробно см. {Салецл, 1999}). В русской культуре наиболее полную картину истерического отношения к наслаждению дают классические новеллы Бунина (см. {Руднев, 2001}). Так или иначе, аксиология, безусловно, является для циклоида доминантной позитивной модальностью ($Ax+$).

К эпистемической проблематике, как кажется, циклоид равнодушен. Мы редко встретим среди циклоидов знаменитых ученых и практически не встретим философов (об этом писал уже и сам Кречмер). Таким образом, эпистемика остается для циклоидной личности доминантной модальностью, скорее, со знаком минус.

В пространстве и времени циклоид чувствует себя, как дома. Ни прошлое, ни будущее не являются для него психологической проблемой, никакой темпорально-спациальной акцентуации мы у циклоидов не наблюдаем. Это – недоминантные модальности.

Рассмотрим далее *психастенический характер*, как он описан П.Б.Ганнушкиным и М.Е.Бурно. Алетическое психастенику чуждо в силу его, пусть интровертной, но безусловной реалистичности. В этом его характернейшее отличие от мистически настроенного ананкаста. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что психастеники равнодушны к религии. Таким образом, алетика для психастенической конституции – не доминантная модальность (“0”). Напротив, деонтика является для психастеника чрезвычайно мучительной проблемой: “Правильно ли я поступил?”, “Должен ли я это сделать?”, “Имею ли я право так сказать?” (говоря обобщенно, “Кто виноват?” и “Что делать?” как два парадигмальных психастенических вопроса классической русской культуры) – суть характернейшие высказывания русского интеллигента-психастеника. Иными словами, в отличие от ананкаста и эпилептоида (см. ниже), для которых закон есть нечто незыблемое, психастеник подвергает его, как и все остальное, разьедающей рефлексии. Поэтому не будет преувеличением сказать, что деонтика является для психастеника доминантной модальностью со знаком минус. То же самое можно отнести и к сфере аксиологии. Психастеник не то чтобы равнодушен к наслаждению, но для него это

также является предметом постоянной рефлексии. “Вот я сейчас сижу в теплой комнате, а голодные дети...”, “Вот у нас все хорошо, а в Чечне убивают людей”. И так далее. Аксиология – модальная доминанта психастеника со знаком минус. То же – эпистемика. Сомнение – в принципе эпистемическая категория. Психастеник, как правило, ни в чем не уверен, всегда во всем сомневается – именно поэтому он хороший ученый, особенно в области естественных наук (Дарвин), экспериментатор.

Время и пространство для психастеника – также мучительная психологическая проблема. Он всегда находится не там и не тогда, где и когда находится его тело. В противоположность истерику и циклоиду, психастеник никогда не существует *здесь и теперь*. И в этом плане он ближе обсессивно-компульсивному типу. Во время разговора он думает о прошлом или будущем; мысленно, находясь в одном месте, думает о другом. Пространство и время доминантны для психастеника со знаком минус.

Эпилептоид. К сверхъестественному, как правило, равнодушен, реалист (Al–). Деонтика для эпилептоида – самое важное: его напряженная авторитарность покоится на соблюдении нормы для себя и прежде всего для других (комплекс Кабанихи). В этом – принципиальное отличие эпилептоида от ананкаста, который не авторитарен и вменяет норму только себе. Так или иначе, деонтика для эпилептоида – безусловно, доминантная модальность со знаком плюс. В плане аксиологии, по-видимому, наиболее правильным было бы сказать, что существуют эпилептоиды с сильными страстями, эпилептоиды-фанатики и аскеты. Таким образом, аксиология не может быть рассмотрена как доминантная модальность эпилептоида (“0”). Эпистемическая сфера исчерпывается для эпилептоида тем, что он всегда “знает, как надо”, и никогда ни в чем не сомневается. Сочетание экстраверсии и реалистичности (не-аутистичности – ср. ниже о шизоиде), прямота и отсутствие интеллектуальной глубины и тонкости не позволяют эпилептоиду делать открытия и строить новые теории. Эпистемика, таким образом, – слабая сторона этой конституции (Ep–). Пространство и время, как кажется, для эпилептоида не представляют чего-либо характерного (“0”).

И, наконец, *шизоид*. Алетическая сфера позитивна. Среди шизоидов – великие церковные и религиозные деятели, такие, например, как Кальвин, церковные философы (Августин, Фома Аквинский). Деонтика колеблется в зависимости от того, в какую сторону поворачивается шизотимный характер – психастено- или ананкастоподобную – в сторону минуса или плюса, что в итоге дает ноль. По отношению к ценностям шизоиды могут вести себя по-разному – от сильного “аутистического” сладострастия или эстетства до полной аскезы и равнодушия к прекрасному (в итоге – “0”). Эпистемика – самая сильная позитивно окрашенная модальность шизоида,

как правило, творческого человека, интеллектуала, – писателя, ученого, философа. Время и пространство – достаточно позитивные и точные категории для шизоида, но, в отличие от ананкаста, они приобретают для него аутистический характер: Кант – априорные категории чувственности. Все философы любого исторического времени от Августина и Вико до Бергсона, Бердяева, Рейхенбаха и Тойнби – шизоиды. В обыденной жизни шизоид хорошо ориентируется в пространстве и времени (хотя понимает их на аутистический манер). В этом – его близость ананкасту, с которым у него вообще много пересечений.

Сказанное можно обобщить в виде матрицы соотношения модальностей и характеров (3).

Матрица 3. Модальности и характеры

<i>Модальности</i>	алетика	деонтика	аксиология	эпистемика	время	пространство
<i>Характеры:</i>						
циклоид	0	0	+	0	0	0
эпилептоид	—	+	0	+	0	0
психастеник	—	+	0	—	—	—
истерик	—	—	+	—	—	—
ананкаст	+	+	—	+	+	+
шизоид	+	0	0	+	+	+

4. Характеры и механизмы защиты

Под механизмами защиты в психоанализе понимаются определенные ментальные акты, направленные на то, чтобы путем транспортировки в бессознательное определенных психических содержаний сознание (Эго) справлялось с травматической ситуацией, связанной с угрозой, идущей от реальности (первичные защиты) или от Суперэго (вторичные защиты).

Со времен знаменитой книги Анны Фрейд, выделившей десять механизмов защиты, и исследований Мелани Кляйн, добавившей к этому списку проективную идентификацию (механизм защиты, которому суждено играть огромную роль в современных психоаналитических исследованиях – см., например (Кернберг, 1998), их количество неудержимо росло и к настоящему времени исчисляется несколькими десятками (Мак-Вильямс, 1998; Никольская-Грановская, 2000).

Мы выберем из них те шесть, которые в наибольшей степени, с нашей точки зрения, подходят к нашим шести конституциям, а именно: *вытеснение, изоляцию, отрицание, интроекцию, проекцию и идентификацию*.

Уже исходя из работ Фрейда и Брейера об истерии, можно с уверенностью говорить, что основным (доминантным) видом защиты эго для истерика является *вытеснение*. Истерик вытесняет травму в бессознательное и замещает ее конверсионным псевдо-соматическим симптомом (замещение, по-видимому, выступает неким универсальным *conditio sine qua non* в любом механизме защиты).

Ананкаст замещает травму навязчивым действием, которое повторяется бесконечное число раз, осуществляя защитный механизм *изоляции* от остальных мыслей и поступков в некой герметической магической среде, пригодной для отправления ритуалов и других оккультных действий (Freud, 1981), например в ситуации заговора или заклинания, когда субъект выходит на некое отграниченное открытое пространство (“чистое поле”), где, изолируясь от повседневной жизни и используя технику навязчивого повторения, произносит определенное число раз предусмотренные ритуальные формулы (подробно об obsessивном механизме заговоров и заклинаний см. (Руднев, 2001). Эта в целом характерная для невроза навязчивых состояний и obsessивно-компульсивной конституции эксклюзия, выключенность из процесса обыденной жизни, обеспечивает obsessивному эго защиту от страхов внешнего мира. Эго как будто очерчивает вокруг себя магический круг, изолирующий его от внешнего мира.

Все остальные корреляции механизмов защиты с определенными психическими конституциями менее очевидны и требуют обоснования. Как нам кажется, для шизоида основным механизмом защиты является *отрицание*, подобно тому, как отрицание реальности (фрейдовское *Verlust des Realität* (Freud, 1981a), – основа аутистического по своей сути психоза,

прежде всего, конечно, шизофренического. У шизотимной личности отрицание выступает как защита эго против угрожающей реальности, что проявляется в *эпистемическом* отрицании, но не самой реальности, как при психотической реакции, а онтологическо-эпистемических квинтэссенций реальности, ее материальности и независимости от сознания. Поэтому идеализм является естественным философским проявлением неклинического шизотимного или шизотипического мышления (философским проявлением клинического аутистического психотического мышления с отрицанием реальности в пользу бредовых представлений является, например, психотическая концепция метаистории Даниила Андреева, изложенная в “Розе мира” или параноидные “Мемуары” Даниэля Шрёбера). Разве не отрицанием реальности в широком смысле является знаменитый ответ Гегеля на претензии к его системе, что она не во всем соответствует действительности: “Тем хуже для действительности”?

В неклинических непсихотических проявлениях отрицание у шизоида выступает также в идее предпочтения своих интровертированных аутистических ценностей некоему объективному факту, оценке или построению.

Каковым является доминантный механизм защиты психастеника (соотносимого с психоаналитическими мазохистской и меланхолической конституциями в психоаналитической характерологии)? Очевидно, что это *интроекция*, то есть принятие чего-то внешнего за что-то внутреннее, “проглатывание” неприятного и обидного (ср. выражение “проглотить обиду”, которое идеоматически выражает суть интроективной защиты). Порождая постоянное чувство вины и акцентуированную совесть, психастеник защищает свое эго от тревоги.

Напротив, для эпилептоида (мы в определенном смысле включаем сюда и неклинического параноика*) характерен противоположный механизм защиты – *проекция*, принятие чего-то внутреннего за что-то внешнее (“вымещение на другом”, “перекладывание с больной головы на здоровую”), экстерииоризация своих аффективно-эмоциональных блоков. В этом смысле хорошо видно, как экстравертный и интровертный эпилептоид и психастеник отличаются друг о друга.

Для циклоида мы считаем доминантным механизмом защиты *идентификацию*. Циклоид – наиболее общительный тип личности, наиболее альтруистичный. Он с легкостью идентифицируется с другим, принимая на себя заботу другого (со всей убедительностью об этом писал Кречмер в

---

* Ср. у М.Е.Бурно частичное отождествление эпилептоидного и параноического характеров – для последних проекция не подлежит сомнению: “Думается, именно эпилептоиды с высокой склонностью к напряженной подозрительности, сверхценным идеям вообще (в том числе изобретательства) составляют известную группу параноических психопатов (параноиков) (Бурно, 1996, с.26).

“Строении тела и характере” (*Кречмер, 2000, с.105-109*). Сравним описание защитной идентификации циклоида в книге П.В.Волкова:

“В рассказе А.П.Чехова “Душечка” изображена духовно несложная синтонная женщина. На том основании, что она бывает разной с разными людьми, как бы теряя себя, ее нельзя отнести к истерическим натурам. Душечка противоположна истеричке. Последняя хочет быть в центре внимания и чтобы события вращались вокруг нее. Душечка в центр внимания ставит другого человека и растворяется в заботах о нем, не ожидая наград и похвалы. Она беспомощна перед своей глубинно-эмоциональной потребностью всем телом и душой служить близкому человеку. При этом она теряет себя как независимая личность. Но не жалеет об этом нисколько – ведь как своей независимостью поможешь мужу? Ее любовь по-матерински хлопотливая, абсолютно здешняя и находит свое высшее развитие в маленьком мальчике. Жить для себя она не умеет” (*Волков, 2000, с.225*).

Отличие синтонной идентификации от психастенической (депрессивной) интроекции в том, что первая неререфлексивна и нетревожна, в то время как вторая сопровождается постоянной работой сознания по самообвинению. Психастеник все время стремится брать на себя вину другого, поскольку сам чувствует себя перед всеми виновным. Наиболее яркий пример – динамика отношений между князем Нехлюдовым и Катюшей Масловой в романе Толстого “Воскресение”. Формально Нехлюдов не виноват в том, что Катюша стала проституткой, но душевно он чувствует себя безусловно виновным и, чтобы избыть тревогу за чувство вины, он интроецирует ситуацию, в которой оказывается Катюша, и готов разделить с ней несправедливо понесенное ею наказание. Психастеническая (депрессивная) интроекция всегда драматична и часто трагична; синтонная идентификация безмятежна и носит жизнестойкий и светлый характер, независимо от того, насколько адекватной она является. Так, синтонный мистер Пиквик идентифицируется с интересами негодяя Джингля, а синтонный д’Артаньян провозглашает принцип идентификации мушкетеров друг с другом главным принципом жизни: “Один за всех, все за одного”. При этом мушкетеры действуют как единый симбиотический организм, главным скрепляющим стержнем которого является д’Артаньян.

(Если воспользоваться историко-культурной аналогией, идея общества синтонных людей, как кажется, легла в основу коммунистической утопии. Коммунистическое общество – такое, в котором каждый в силу внутренней потребности во главу угла ставит интересы другого. Но поскольку люди по большей части не синтонны, то в реальности эта модель из чистой,

светлой идентификации превратилась в трагическую интроективно-проективную динамику агрессий и жертв, как это было при сталинизме.)

Подобно модальностям и характерам, механизмы защиты построены изоморфно. В каждом случае нечто (аффект) как бы “берется” из какого-то “места” в сознании (*genus proximum*), и далее с ним производится некое действие (*differentia specifica*) (ниже следуют определения в духе семантических примитивов и *lingua mentalis* Анны Вежбицкой):

При *истерическом вытеснении* нечто “берется” и убирается из памяти сознания, а на ее место ставится истерический симптом.

При *обсессивной изоляции* нечто в сознании “берется” и изолируется от других элементов сознания, и с этим изолированным элементом производится некая интеллектуальная или поведенческая работа.

При *шизоидном отрицании* нечто в сознании “берется” и наличие его отрицается, а на его “место” ставится нечто противоположное.

При *психастенической интроекции* нечто “берется” из места, находящегося вне сознания и переносится в некое место, находящееся внутри сознания.

При *эпилептоидной проекции* нечто “берется” из некоего места внутри сознания и переносится в некое место вне сознания.

При *циклоидной идентификации* нечто, находящееся за пределами сознания, “берется” и рассматривается как одновременно принадлежащее пространству внутри и вне сознания.

Разумеется, механизмы защиты не прикреплены намертво к определенной конституции, хотя бы потому, что в реальной жизни чистых характеров практически не существует – у шизоида почти всегда есть нечто обсессивно-компульсивное; циклоида, в особенности, гипертимического, легко спутать с истериком; ананкаст во многом пересекается с психастеником и так далее.

Можно повторить процедуру, которую мы проделывали применительно к модальностям и характерам.

Вытеснение для шизоидов и обсессивных не характерно – эти все держат в голове. Ставим минус. Для циклоидов оно вполне характерно – особенно, как уже говорилось, гипертимичных, истероподобных. Но не для всех. Ставим “ноль”. Для эпилептоидов – нет, им не нужно вытеснять в бессознательное то, что они с успехом проецируют вовне. Для психастеников тоже нет – им мешает вытеснять интроекция: если доминанта характера – чувство вины, то какое уж тут вытеснение.

Изоляция. Для обсессивноподобных шизоидов, безусловно, характерна: изолировав, легче отрицать – за ненадобностью. Для истериков тоже может быть характерна в виде “заикленности” на определенном психическом содержании, при том что аранжировка этой изоляции, разумеется,

будет не обсессивная. Для циклоидов, конечно, нет – они слишком вовлечены в реальность. Впрочем, при депрессиях определенные содержания могут изолироваться, но это уже будут, по нашей номенклатуре, психастеноподобные, тревожно-рефлексивные люди, которые, да, изолируют всю, поскольку вообще похожи на обсессивно-компульсивных. Эпилептоидам особенно изолировать нечего, для этого как минимум нужна интроверсия. Здесь же аффект сначала просто подавляется, а потом выплескивается на окружающих.

Отрицание. Истерики по-своему отрицают – самим фактом вытеснения, отрицают то, что вытеснено (“Я этого не делал”, “Я так бы никогда не сказал”). Но это отрицание не реальности в целом, а более камерное, и окрашено оно не эпистемически, а эмоционально-аксиологически. Циклоиды отрицают в меру своей истероподобности. Психастеники, болезненно sensitive и честные, не отрицают. То же самое, как ни странно, эпилептоиды – практически не лгут. Для подлинных ананкастов отрицание не характерно – иначе они слились бы с шизоидами. Реальность для ананкаста имеет большую ценность – как предмет для ритуальных манипуляций, но не отрицания. Пожалуй, самая большая трагедия этих людей в том и состоит, что они не могут забыть (вытеснить) или отвергнуть.

Проекция. Шизоиды *могут*, особенно авторитарные. Истерики могут: во всех своих бедах они винят других. Психастеники, понятно, никогда. Циклоиды так же, как истерики, могут проецировать, а могут и не проецировать. (Скорее, гипоманиакальные в виду своей истероподобности, а не депрессивные в виду их психастеноподобности.) Насколько мы понимаем ананкастов, они не склонны к проекции, так как их стремление к упорядоченности, педантизм не распространяются на другого.

Интроекция. Шизоиды *могут* – психастеноподобные. Циклоиды тоже – депрессивные. Эпилептоиды – никогда. Истерики – нет, зачем “брать в голову”, если можно с легкостью вытеснить и забыть. Ананкасты могут, те, которые похожи на психастеников, тревожные, дефензивные.

Идентификация. Шизоид, в сущности, может, но не с человеком, а скорее, с абстракцией, со своей философской системой, например, и это, конечно, не та идентификация. Психастеник может, если ему надо на кого-то опереться, то есть если он больше похож на циклоида, а не на ананкаста. Истерики не могут, в этом главная трагедия этого характера – выразительный поиск объекта желания и невозможность его принять, разве что в романтической фантазии: там идентификация возможна, но эфемерна в силу своей литературности (“Воображаясь героиней / Своих возлюбленных творцов, / Клариссой, Юлией, Дельфиной, / Татьяна в глубине лесов / Одна с опасной книгой бродит”). Ананкаст тоже не может, он трагически разобщен даже с собственной навязчивостью, понимая ее чуждость. У эпи-

лептоида если и возможна идентификация, то проективная, то есть отождествление своих спроецированных неприятных черт с какой-то личностью. В “Мастере и Маргарите” изображено, как поэт Рюхин проективно идентифицируется с памятником Пушкину на Тверском бульваре. Впрочем, проективная идентификация особого характерологического значения не имеет, так как является чрезвычайно примитивной психотической защитой, имеющей место прежде всего при тяжелых психических расстройствах (подробно см. Кернберг, 1998).

Теперь обобщим, как это у нас заведено, сказанное в виде матрицы.

Матрица 4. **Характеры и механизмы защиты**

Характеры	цило-ид	истерик	анан-каст	эпилепто-ид	психастеник	шизоид
Механизмы защиты:						
вытеснение	0	+	—	—	—	—
изоляция	—	0	+	—	0	0
отрицание	0	0	—	—	—	+
проекция	0	0	—	+	—	0
интроекция	0	—	0	—	+	0
идентификация	+	—	—	0	0	0

5. Характеры, модальности и механизмы жизни

Исходя из сказанного, можно выдвинуть тезис, в соответствии с которым характеры в сочетании с механизмами защиты – почти то же самое, что нарративные модальности. Напомним, что модальностями мы называем определенные типы отношений *высказывания* к реальности. Характеры же в сочетании с механизмами защиты и модальностями суть определенные типы отношения *сознания* к реальности.

Можно говорить о шести типах таких отношений.

1. Аксиологическое истерическое вытеснение.
2. Деонтическая обсессивная изоляция.
3. Эпистемическое шизоидное отрицание.
4. Деонтическая эпилептоидная проекция.
5. Деонтическая психастеническая интроекция.
6. Аксиологическая циклоидная идентификация.

Выделенные шесть типов мы и будем называть *механизмами жизни*. Эти механизмы функционируют в жизни так же, как нарративные модальности – в сюжете художественного произведения. *Основным правилом та-*

кого функционирования является смена одного члена модального трехчлена на противоположный или соседний.

Так деонтический сюжет может строиться, например, как нарушение запрета, то есть в деонтическом модальном трехчлене “должное – разрешенное – запрещенное” запрещенное становится, по воле героя, разрешенным. Например, в волшебной сказке завязка строится на том, что дети нарушают запрет родителей ни в коем случае не выходить из дома (см. {Пропп, 1969}).

Аксиологический сюжет может строиться на том, что ранее представляющееся плохим или безразличным становится хорошим и ценным. Так выглядит сюжет, посвященный влюбленности, например “Ромео и Джульетта”.

Эпистемический, наиболее фундаментальный в нарративном искусстве, сюжет *qui pro quo* (одно вместо другого) строится на ложном знании или полагании, на эпистемической ошибке. Например, в комедии Гоголя чиновники ошибочно полагают, что Хлестаков является “Ревизором”. (Подробнее о модальностях в сюжете см. {Руднев, 1996; 2000}).

При функционировании механизмов защиты в известной степени также происходит то, что мы называем моделью *qui pro quo*. При *вытеснении* на место одного (травмы) встает другое (истерический симптом); при *изоляциях* на место одного (травмы) встает другое (навязчивая мысль или действие), при *отрицании* на место одного (травмы) встает противоположное (ее отрицание), при *интроекции* на место одного (скажем, тревоги) встает другое (например, вина), при *проекциях* на место одного (скажем, страха субъекта) встает другое (вина объекта), при идентификации на место одного (собственного “я”) встает другое (то сознание, с которым идентифицирует себя использующая этот тип защиты личность).

Для того, чтобы проиллюстрировать сказанное, приведем цитату из книги Анны Фрейд, посвященную альтруистическому идентифицирующему поведению Сирано де Бержерака из одноименной пьесы Ростана:

“Вместо того чтобы, используя свое замечательное искусство фехтовальщика, держать на расстоянии соперников, он отказывается от своих надежд на ее любовь в пользу человека, более красивого, чем он сам.

Принеся эту жертву, он обращает свою силу, храбрость и ум на службу этому более удачливому любовнику и делает все, что в его силах, чтобы помочь ему добиться цели. Кульминацией пьесы является ночная сцена под балконом женщины, которую любят оба мужчины. Сирано подсказывает своему сопернику слова, которыми тот должен завоевать ее. Затем он в темноте занимает его место и говорит вместо него, забывая в пылу своего ухаживания о том, что ухаживает-то не он. Обратившись к своей позиции уступившего он возвращается лишь в последний момент, когда просьба

Кристиана, красавца-любownika, удовлетворена и он забирается на балкон, чтобы поцеловать свою любимую. Сирано становится все более и более преданным своему сопернику и в бою больше старается спасти его жизнь, чем свою. <...>

Было бы ошибкой полагать, что речь здесь идет о вытесненном соперничестве, прорвавшемся в желании смерти, которое затем вытесняется. Анализ показывает, что как тревога, так и ее отсутствие исходят из того, что человек считает свою собственную жизнь достойной сохранения при наличии возможности удовлетворения собственных инстинктов. Когда он отрывается от своих импульсов в пользу других людей, их жизни становятся для него дороже, чем своя собственная. Смерть замещающей фигуры означает – как смерть Кристиана означает для Сирано – утрату всякой надежды на удовлетворение” (Анна Фрейд, 1999, с.209-211).

Кажется, мы пришли к тому, что Сирано де Бержерак – нечто вроде Душечки Чехова. Но мы привели этот пример из хрестоматийной книги не для того, чтобы еще раз продемонстрировать, что идентификация является доминантным защитным механизмом у гипертимического (гипоманиакального) циклоида Сирано де Бержерака, про которого в пьесе говорится:

*Как фейерверк блестящ и остроумен,
Забавен, эксцентричен, шумен.*

(Ростан, 1958, с.212).

И не для того, чтобы убедиться, что знаменитый нос Сирано, безусловно, является компенсационным симптомом его, увы, неостребованной гиперфалличности. Мы привели этот пример, чтобы показать, что уже создатель теории защитных механизмов, пусть даже не вполне осознавая, что она делает, указала на то, что динамика механизмов жизни – это динамика заблуждения или сознательного введения в заблуждение, как в данном случае (ведь Сирано вводит в заблуждение Роксану, произнося слова любви от имени Кристиана и сочиняя вдохновенные любовные письма за его подписью). В чем смысл “альтруистического отречения” (термин Анны Фрейд) Сирано де Бержерака? По-видимому, в том, что он, идентифицировав себя с желанием Роксаны (желанием, направленным на Кристиана), защитил свое эго от всяких психических неприятностей – от депрессии, например, от тревоги, любовного бреда, ревности, маниакально-депрессивного психоза, наконец (ведь, как-никак, он все-таки циклоид). Идентифицировавшись с желанием другого, Сирано парадоксальным образом сохранил свою собственную идентичность.

Будь у него другой характер, он действовал бы по-другому. Если бы Сирано был шизоидом, он отрицал бы травму – например, убедил бы себя, что на самом деле он не любит Роксану; будь он эпилептоидом – он проецировал бы свою неудачу на другого – на Роксану или на Кристиана – и

выразил бы это, например, при помощи сверхценных идей ревности; а если бы он был истериком, то вытеснил бы свою неудачную любовь в истерический симптом (например, у него на носу бы вырос огромный прыщ); а будь он ананкаст, тогда бы он изолировал переживание, повторяя, как Германн из “Пиковой дамы”: “Кристиан, Роксана, нос”; а случилось бы ему быть психастеником, он интроецировал бы травму в чувство вины и своей непоправимой неполноценности – уродливого носа.

Так или иначе, механизмы жизни всегда связаны со следующей риторической фигурой: человек думает, что он делает одно и с такой-то целью, а на самом деле – делает (или за него делает его конституция) совсем другое и с другой целью. Мы считаем эту особенность фундаментальной для феномена человеческой жизни. Жизнь – это цепь ошибочных действий, обусловленных конституционально.

Сочетания модальности, характера и механизма защиты мы называем механизмами жизни.

Это истерическое аксиологическое вытеснение.

Например, Хлестаков, чтобы добиться расположения чиновников, вытесняет тот факт, что он жалкий коллежский регистратор, и постепенно в своих глазах и в глазах чиновников становится на некоторое время могущественным ревизором, реализуя истерический механизм жизни.

(Ю.М.Лотман в статье “О Хлестакове” показал на конкретных примерах жизненность этого персонажа (Лотман, 1977).)

Это обсессивная деонтическая изоляция.

Например, Акакий Акакиевич изолирует себя от экзистенциальных конфликтов навязчивыми каллиграфическими упражнениями и замещает свою базальную экзистенциальную тревогу покупкой шинели, реализуя обсессивный механизм жизни.

Это эпистемическое шизоидное отрицание.

Базаров в “Отцах и детях”, чтобы эпистемически оправдать свою экзистенциально-аутистическую ущербность в контактах с людьми, отрицает подряд все аксиологические, деонтические и коммуникативные ценности: дружбу, любовь, порядочность, искусство и самую жизнь.

Людвиг Витгенштейн, желая обосновать свой тотальный личностный шизоидный негативизм, ориентированный, в частности, на разрыв связей с близкими людьми (подробно об этом см. наиболее известную биографию Витгенштейна (Monk, 1990), а также главу “Случай Витгенштейна” в книге (Руднев, 2001) развивает в “Логико-философском трактате” взгляд, в соответствии с которым наиболее общей формой логической операции, выявляющей наиболее общую форму пропозиции (нечто вроде “Дело обстоит так-то и так-то”), является *отрицание*: “5.5. Каждая истинностная Функция является результатом последовательного применения Операции (-----

---И) (ξ , ...) к Элементарным Пропозициям. Эта Операция отрицает все Пропозиции в правых скобках, и я называю ее Отрицанием этих Пропозиций” (Витгенштейн, 2001).

Это деонтическая психастеническая интроекция.

Нехлюдов интроецирует в себя судьбу Катюши Масловой вследствие гипертрофированного чувства вины.

Это деонтическая эпилептоидная проекция.

Отец и сын Карамазовы ревнуют друг друга к Грушеньке, проецируя друг на друга собственные страстные желания к ней, что и приводит в результате к трагедии (понятой, кстати, ошибочно как убийство Дмитрием отца, в соответствии с фундаментальным принципом построения сюжета).

Иуда Искарот предает Христа, проецируя на него свои сверхценные авторитарные идеи (во всяком случае, так в версии Леонида Андреева). Примерно тот же проективный конфликт в трагедии Пушкина “Моцарт и Сальери”.

Это аксиологическая циклоидная идентификация.

Рассмотрим, например, сюжет “Душечки”. Сначала она идентифицирует себя с первым мужем (аксиологический мотив со знаком плюс; $Ax+$), но тот умирает ($Ax-$). Она вторично выходит замуж и идентифицирует себя с другим мужем ($Ax+$), но тот тоже умирает ($Ax-$). Тогда она идентифицирует себя с мальчиком ($Ax+$) и боится только, как бы его у нее не отняли ($Ax-$).

В сущности, получается, что для того, чтобы реализовался “сюжет жизни”, необходимо, чтобы человек все время использовал жизненные механизмы, ведущие от одной ошибки к другой, и что, в сущности, вся жизнь представляет собой цепь ошибок и заблуждений. Что означает такой взгляд и что он нам дает для понимания жизни?

Фрейд считал, что в основе жизни лежат два противоположных влечения – сексуальное, соответствующее идее сохранения рода, торжества жизни, закону сохранения энергии и накопления информации (первому началу термодинамики), и влечение к смерти, соответствующее идее сохранения вида при помощи навязчивого повторения, подтверждающего его тождественность, закон накопления энтропии (второе начало термодинамики).

Говоря обобщенно, в основе всех жизненных поведенческих стратегий лежат два противоположных механизма – тенденция, направленная к изменению начального состояния, и тенденция, направленная к сохранению (повторению) начального состояния. В целом, эти две диалектически противоположные тенденции проявляются в идее фундаментального чередования, ритма.

Почему недостаточно только одного инстинкта жизни? Этот вопрос равнозначен вопросу: почему мы живем не в раю? В раю невозможно развитие, невозможна эволюция. Грехопадение, начало эволюции, одновременно было и утверждением, и отрицанием жизни. Чтобы родить новое, надо, чтобы умерло старое. Все это было известно задолго до “По ту сторону принципа удовольствия” – от притчи о зерне в Евангелии от Иоанна до статьи Сабины Шпильрейн “Деструкция как причина становления” 1912 года. Эта фундаментальная противоположность влечений в человеческой жизни и обуславливает фундаментальность принципа *qui pro quo* в жизненном сюжете. А литература лишь делает более наглядным этот принцип.

Динамика *qui pro quo* формируется на начальных стадиях развития ребенка. Сепарация человеческого сознания, отделение ребенка от тела матери, отлучение от ее груди (торжество изменения и жизни) постепенно приводят к агрессии второго орального периода (торжество повторения и смерти), за которым следует еще более амбивалентная динамика анально-садистической стадии и, наконец, любовь сопровождается ненавистью на эдипальной стадии. Вся же дальнейшая жизнь человека – это серия различных трансферентных заблуждений (психоаналитический перенос лишь суммирует, результирует их множественную разрозненность: человек думает, что он делает одно и по такой-то причине, а на самом деле он невротически отыгрывает свои ранние фиксации и травмы). Вся идеология психоанализа построена на том, что сознательно делается, говорится, видится, ощущается одно, а на самом деле, на уровне бессознательного, все это другое. “Он хотел сказать *прости*, но сказал *пропусти* (“Смерть Ивана Ильича”). Величие идей Фрейда, в этом качестве еще не осмысленное, состоит, в частности, именно в том, что он показал господство принципа *qui pro qui* в психической жизни человека, – начиная с соотношения манифестного и латентного сновидений (человек видит во сне одно, но на самом деле имеется в виду другое, часто противоположное – это едва ли не основная идея “Толкования сновидений”) и кончая ошибочными действиями в быту (председатель хочет сказать “Объявляю заседание открытым”, а говорит “Объявляю заседание закрытым”, поскольку бессознательно хочет именно второго (“Психопатология обыденной жизни”). Человек произносит любезную остроту, за которой скрываются грубость и агрессия (“Остроумие и его отношение к бессознательному”). Он говорит “Это точно была не моя мать”, но это означает, что это точно была именно его мать (“*Verneinung*”). Человеку кажется, что те слова, которые он произносит, говорит его эго, на самом же деле говорит Суперэго, “имя отца” (“Я и Оно”).

В зависимости от того, как, в какой момент своего развития, при каких обстоятельствах и в обществе каких “первичных объектов” принципы изменения и сохранения схлестнулись наиболее решительным образом, и формируется психическая конституция человека, обуславливающая его работу с определенными модальностями и определенными защитами. В зависимости от этого развивается и то, что мы назвали механизмами жизни, которые, с одной стороны, сформированы изначально фундаментальной противоположностью жизненных векторов и, с другой, обеспечивают то специфическое прохождение через актуальные и конкретные жизненные вектора, которое мы видим во взрослой жизни человека.

Механизмов жизни много. Жизнь не могла бы существовать, если бы на свете были в несмешанном виде одни только аксиологически идентифицирующие циклоиды, эпистемически отрицающие шизоиды или деонтически интроецирующие психастеники. Динамика механизмов жизни, в частности, обусловлена и тем, что характер есть не только “у меня”, но и у другого. И если мы предположим, что люди наиболее тесным образом общаются по двое (конечно, это – упрощение, на самом деле общаются и по трое и по четверо), то механизмов жизни становится уже не шесть, а два в шестой степени, то есть шестьдесят четыре (все эти подсчеты и цифры, разумеется, в высшей степени условны).

При этом конструктивный, созидательный, в целом, эффект продолжения жизни, состоящей из ошибок и заблуждений, создается за счет интегративной суммарности характерологических векторов. Суть этого явления, образно говоря, заключается в том, что на всякого Хлестакова всегда найдется свой Городничий, на всякого Червякова – свой генерал Брызжалов, на всякую Кабаниху – Катерина, на всякого Робеспьера – Дантон и на всякого Наполеона – Кутузов.

Конструктивность ошибки состоит в возможности ее преодоления при помощи новой ошибки. После того как шизотипический Витгенштейн написал “Логико-философский трактат”, который был “тем хуже для действительности”, чем только возможно, “энергия заблуждения” его автора (излюбленное выражение Виктора Шкловского, взятое им у Толстого) была настолько велика, что усилия, направленные на понимание этого мало-вразумительного опуса, переросли в целое философское направление – “венский логический позитивизм”. В свою очередь, заблуждения деятелей последнего – Карнапа, Шлика, Нейрата, Рейхенбаха и прочих – повлекли за собой интеллектуальное усилие отколовшегося от них Карла Поппера, который путем шизотимного *отрицания* основного философского принципа венцев, принципа верификационизма, выдвинул противоположную концепцию – фальсификационизма, которая в свою очередь подверглась отрицанию со стороны “анархической модели” Пола Фейерабенда. Здесь

мы вспомним исчерпывающий труд Куна “Структура научных революций”, а также историко-литературную концепцию Шкловского – Тынянова

На пессимизм же шизоида Лермонтова:

Богаты мы едва из колыбели

Ошибками отцов и поздним их умом –

ответим, что характерологическая ошибка, “энергия заблуждения”, является главным конструктивным принципом в культуре, как высокой, так и повседневной. На одном полюсе здесь десятков шизоидов, которые, отрицая взгляды Ньютона на природу, создают квантовую физику (через какое-то время ее будет отрицать новое поколение супер-шизоидов), а на другом – эпилептоид-милиционер, “унтер Пришибеев”, который во всем видит крамолу, что может не соответствовать реальности, тем не менее, его *проекции* в большей степени гарантируют общественный порядок, нежели интроективное нытье психастеника, который на этом месте был бы бесполезен. Разумеется, можно привести и противоположные примеры, когда невротические *интроективные* заблуждения психастеников будут важны и полезны, а невротические действия шизотимов будут только мешать.

В книге “Морфология реальности” мы построили теорию, в соответствии с которой фундаментальная сюжетная ошибка *qui pro quo* обусловлена референтной непрозрачностью пропозициональных установок. Другими словами, сюжет трагедии Эдипа обусловлен, по нашему мнению, тем, что предложения “Эдип женился на Иокасте” и “Эдип женился на своей матери” для Эдипа (до развязки) обладают в языке разным истинностным значением (первое рассматривается как истинное, второе как ложное). Вряд ли мы подозревали тогда, что этот пример не случаен и что трагедия самого шизоида Эдипа состоит в неадекватной трансферентной отработке отношения с плохими и хорошими первичными объектами, выражаясь языком Мелани Кляйн. Другими словами, трагедия Эдипа не в том, что он *не знал*, а в том, что его жизненный механизм сыграл с ним злую шутку.

Если бы Эдип был психастеником и засомневался в истинности пророчества, или эпилептоидом – и спроецировал бы свои комплексы на *приемных* родителей, или циклоидом – и симбиотически идентифицировался бы с ними, или истериком – и вытеснил бы всю эту историю в бессознательное, или, наконец, обсессивно-компульсивным субъектом – и превратил свое роковое знание в навязчивое действие, – во всех этих случаях трагедия бы не состоялась. Вернее, состоялась бы другая трагедия, имевшая другое название.

Мы давно уже запутались в вопросе о том, сознание ли подстраивается под язык, как думали Уильям Джеймс, Бенджамен Ли Уорф и логические

позитивисты и аналитики, или, наоборот, язык подстраивается под ментальные структуры, как думали в XIX веке и, на новом витке, начинают снова думать философы-постаналитики (или что язык это и есть сознание – вывод, который можно сделать в результате чтения классической книги Гилберта Райла).

Так или иначе, можно сказать, что язык и сознание работают в одном и том же режиме, в режиме энергии заблуждения.

В заключение приношу сердечную благодарность А.И.Сосланду, прочитавшему статью в рукописи и сделавшему ряд ценных замечаний, большинство из которых я учел.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурно М.Е. *О характерах людей*. М., 1996.
- Бурно М.Е. *Трудный характер и пьянство*. Киев, 1990.
- Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат // Пер. с нем., аналитические ст. и параллельные комментарии В.П.Руднева*. М., 2001.
- Волков П.В. *Разнообразие человеческих миров: Руководство по профилактике душевных расстройств*. М., 2000.
- Вригт Г. фон. *Логико-философские исследования*. М., 1986.
- Ганнушкин П.Б. *Избранные труды*. М., 1998.
- Ивин А.А. *Основания логики оценок*. М., 1971.
- Кемпинский А. *Психология шизофрении*. СПб., 1998.
- Кернберг О. *Агрессия при расстройствах личности и перверсиях*. М., 1998.
- Кречмер Э. *Об истерии*. СПб., 1996.
- Кречмер Э. *Строение тела и характер*. М., 2000.
- Крикке С. *Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 18*. М., 1986.
- Леонгард К. *Акцентуированные личности*. К., 1989.
- Лотман Ю.М. *О Хлестакове // Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 277*, 1977.
- Мак-Вильямс Н. *Психоаналитическая диагностика*. М., 1998.
- Никольская И.М., Грановская Р.М. *Психологическая защита у детей*. СПб., 2000.
- Пропп В.Я. *Морфология сказки*. М., 1969.
- Райх В. *Анализ характера*. М., 1999.
- Риман Ф. *Основные формы страха: Исследование в области глубинной психологии*. М., 1999.
- Ростан Э. *Пьесы / Пер. с франц. Т.Л.Щепкиной-Куперник*. М., 1958.
- Руднев В. *Морфология реальности: Исследования по "философии текста"*. М., 1996.

- Руднев В. *Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II.* М., 2000.
- Руднев В. *Метафизика футбола: Исследования по философии текста и патографии.* М., 2001.
- Салецл Р. *(Из)вращения любви и ненависти.* М., 1999.
- Фейс Р. *Модальная логика.* М., 1971.
- Фрейд Анна. *Эго и механизмы защиты // Анна Фрейд. Теория и практика детского психоанализа. Т. 1.* М., 1999.
- Фрейд З. *Тотем и табу.* М., 1999.
- Фрейденберг О.М. *Происхождение литературной интриги // Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 308,* 1973.
- Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности.* М., 1998.
- Хинтиikka Я. *Семантика пропозициональных установок // Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования.* М., 1979.
- Юнг К. Г. *Йога и Запад.* Львов, Киев, 1994.
- Breuer J.-Freud S. *Studies on hysteria.* L., 1977.
- Dolezel L. *Narrative worlds // Sound, sign and meaning. Ann Arbor,* 1979.
- Freud S. *Inhibitions, symptom and anxiety // Freud S. On Psychopathology.* N.Y., 1981.
- Freud S. *The Loss of reality in neurosis and psychosis // Ibid.,* 1981a.
- Hintikka J. *Knowledge and believe. Ithaca,* 1966.
- Laughlin H.P. *The Ego and its defences.* N.Y., 1979.
- Monk R. *Wittgenstein: The Duty of Genius.* L., 1990.
- Moore J.E. *Philosophical papers.* L., 1959.
- Petrowitsch N. *Abnorme Persönlichkeiten.* Basel; N.Y., 1966.
- Prior A.N. *Time and modality.* L., 1967.